

Отец Ду уходил рано утром и возвращался поздно вечером, говоря, что проходит обучение новым навыкам. Но, поскольку денег это не приносило, они с матерью часто ссорились и даже дрались. Ду Ицзэ похудел до состояния скелета, его шея и плечи были в синяках, а впалые глаза делали его взгляд огромным. Ли Миньюй не спрашивал, ссорятся ли у него дома, а просто доставал из кармана двухцентовую сосиску и разламывал её пополам.

Ду Ицзэ взял свою половину и, продолжая бегать с Ли Миньюем по улицам, указал пальцем в небо и сказал:

— Мы будем жить лучше всех.

Поэтому Ли Миньюй не зря считал их дружбу боевым братством. Хотя эпоха не оставила на них прямого отпечатка, голод и лишения запомнились им надолго. Но если искать начало их дружбы, то нужно вернуться на несколько лет назад, примерно в первый класс начальной школы. В то время Ду Ицзэ носил круглую чёлку, которая почти закрывала брови. Он унаследовал внешность матери — изящные черты лица, чистые и выразительные глаза, а его голос, ещё не сломанный возрастом, звучал глуховато. После уроков вокруг него всегда крутились мальчишки, которые кричали ему «девчонка» и «тряпка».

Именно тогда Ли Миньюй выскочил вперёд, оттолкнул мальчишек и грубо крикнул:

— Идите вы к чёрту!

Это было самое грубое ругательство, которое он знал, и, впервые сказав его, он нервничал, боясь, что взрослые услышат, а сердце его колотилось.

Ду Ицзэ поправил чёлку и сказал:

— Тебе какое дело?

Ли Миньюй, глядя на это милое лицо, почувствовал, как сердце его бешено заколотилось. Он сделал несколько шагов назад, покраснел, и в его глазах появился испуг. Он развернулся и побежал, прикрывая глаза, будто увидел что-то запретное.

После этого Ли Миньюй какое-то время избегал его. Иногда, когда их взгляды встречались, он пугался и убегал. Однако это волнение вскоре угасло, потому что однажды, когда они вместе зашли в туалет, Ли Миньюй с изумлением смотрел на лицо Ду Ицзэ и его маленького «собрата», а затем с разочарованием произнёс:

— Оказывается, ты мальчик.

После окончания начальной школы Ли Миньюй пошёл в ту же среднюю школу, что и Ду Ицзэ, с той лишь разницей, что Ду Ицзэ попал в элитный класс, известный как «ракетный», который

готовился к поступлению в престижную старшую школу, а Ли Миньюй остался в обычном классе, где продолжал быть отстающим.

Ли Миньюй изначально не хотел продолжать учёбу и осторожно намекнул об этом бабушке Ли. Но она стала каждый день твердить ему: «Я продам последнее, но ты будешь учиться», «Если не будешь учиться, станешь таким же, как я», «Это мир образованных людей». Ли Миньюй, услышав это, спросил:

— А что плохого в продаже лепёшек?

Эти слова довели мать до слёз. Ли Миньюй не мог видеть, как она плачет, поэтому замолчал, взял свои черновики и пошёл к Ду Ицзэ учить математику.

Волна безработицы не поглотила обе семьи полностью. Бабушка Ли, хотя и чувствовала себя всё более уставшей, а её виски постепенно седели, тратила все силы на то, чтобы обеспечить Ли Миньюю учёбу. Но, думая о том, что ему ещё предстоит поступить в университет, она находила в себе силы и с радостью выходила на улицу со своей канистрой угля.

Отец Ду, поняв, что переквалификация — это полная чушь, устроился на стройку в соседней провинции, возвращался раз в месяц и пристрастился к алкоголю. Но, поскольку он редко бывал дома, конфликты с матушкой Ду резко сократились, и их отношения стали возвращаться к прежнему состоянию.

Хотя Ду Ицзэ считал, что это поверхностное спокойствие было результатом нервного срыва матери и измен отца.

Матушка Ду, после того как у неё испортилось зрение, начала помогать на рынке — чистила овощи, убирала мусор, подбирала оставшиеся кочерыжки, когда торговцы сворачивали свои лотки. Она, такая гордая женщина, внезапно опустила свои жизненные цели до уровня «не умереть с голоду», и это стало для неё слишком большим ударом. Она начала страдать бессонницей, и Ду Ицзэ часто слышал, как она тихо плачет ночью или бесцельно ходит по комнате до рассвета. Днём она не готовила еду, иногда просто сидела, уставившись в стену, или внезапно начинала рыдать.

Она стала немного сумасшедшей, хотя большую часть времени была в сознании, но во время приступов Ду Ицзэ приходилось держать её за плечи, чтобы она не билась головой о стену. Отец Ду был для неё как лекарство — стоило ему вернуться, как мать сразу же приходила в себя, будто ничего не произошло, снова завязывала высокий хвост, брала эмалированную миску и шутила с соседями на общей кухне в конце коридора. Она даже часто приводила Ду Ицзэ, с гордостью рассказывая, что её сын получил стипендию от школы.

Ду Ицзэ обнаружил доказательства измены отца, когда мать попросила его передать ей его куртку для стирки.

Это была помада в чёрном искусственном кожаном футляре, цвета красного, как дикие розы у их дома. Ду Ицзэ взял помаду и положил её в карман.

После десятилетий потрясений большинство людей уже научилось глубоко прятать свои корни, и даже детей жизнь заставляла держать спину прямо, чтобы встретить бурю, которая обрушивалась на них. Возможно, из-за крепкого характера, а может быть, потому что в этом чёртовом мире всё же есть какая-то надежда, светящаяся вдалеке, даже если это всего лишь мираж, отражающий солнечный свет.

Иногда людям приходится жить иллюзиями, ведь если сорвать обёртку и показать суть, заставить считать каждую кость, не каждый сможет это вынести.

Поэтому, когда отец Ду в панике стал проверять карманы куртки, Ду Ицзэ протянул ему помаду.

Отец Ду замер, выхватил помаду и спросил:

— Где ты её взял?

— Упала, когда стирал.

Отец Ду объяснил:

— Я хотел подарить её твоей маме...

— Я знаю, — опустил глаза Ду Ицзэ. — Но мама больше не красится.

Это поверхностное спокойствие продлилось всего год. Прекрасный пузырь лопнул, когда Ду Ицзэ не смог получить стипендию, которую ему обещали.

Эту стипендию учредил директор школы из своих собственных средств. Говорили, что в те трудные времена он купил несколько заводов — Ду Ицзэ не мог понять, откуда у него были такие деньги, почему директор, который был управляющим, равнодушно смотрел на рабочих, сидящих с плакатами у ворот заводов, почему он намеренно довёл заводы до банкротства, а сам стал предпринимателем и педагогом. Стипендия была названа его именем и предназначалась для поощрения талантливых учеников, особенно из бедных семей, а также для привлечения новых учеников.

В первый год средней школы Ду Ицзэ был приглашён на общешкольную церемонию награждения как лучший ученик. Директор обнял его за плечи для фото, они попали в местную газету, и Ду Ицзэ стоял под флагом, выступая перед всеми классами. Директор даже организовал сбор средств для него.

Когда Ли Миньюй увидел Ду Ицзэ на сцене своего класса с деревянной коробкой в руках, он почувствовал себя неловко.

Он не мог объяснить, почему, но ему казалось, что Ду Ицзэ не рад.

Но на лице Ду Ицзэ была стандартная, даже отстранённая улыбка, словно он был посторонним, будто острые взгляды не прокалывали его спину.

Однако на следующий год всё изменилось.

В понедельник, во время поднятия флага, когда директор в своём кабинете разглядывал аттестат Ду Ицзэ, когда он всё ближе придвигался, а его рука с плеча спускалась к его штанам, в ушах Ду Ицзэ зазвучал гимн, и он резко встал.

Он не просто встал — он ударил директора в нос.

<http://bllate.org/book/15266/1347225>